

© Дели-Славов Д. С.

Дели-Славов Д. С. аспірант кафедри філософії естественних факультетов, Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,

УДК 165.0

КРИЗИС ЭПИСТЕМОЛОГИИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ВЫХОДА

Автор статті розглядає причини кризи сучасної епістемології та пропонує спробу виходу з нього. Майбутні дослідження в філософії науки будуть засновані на застосуванні системно-еволюційної парадигми.

Ключові слова: еволюційна епістемологія, системно-параметричний аналіз, епістемологія.

Автор статьи рассматривает причины кризиса современной эпистемологии и предлагает попытку выхода из него. Будущие исследования в философии науки будут основаны на применении системно-эволюционной парадигмы.

Ключевые слова: эволюционная эпистемология, системно-параметрический анализ, эпистемология.

The author of the article studies the reasons of the crisis in modern epistemology and suggests an attempt of outgoing from it. The future investigations in philosophy of science will be based on the use of the system-evolutionary paradigm.

Key words: evolutionary epistemology, system-parametric analysis, epistemology.

Целью публикации является рассмотрение кризиса в современных эпистемологических исследованиях и предложение путей выхода из него, одним из которых может стать использование Параметрической теории систем.

В настоящее время в развитии научного познания идёт процесс формирования социально-ориентированной эпистемологии. Ко времени институционализации естествознания к началу XIX в. проявились наиболее серьёзные признаки эпистемологического кризиса. В XX в. сложилась парадоксальная ситуация: в обществе росло производство знания и информации, создавались новые концепции знания, а в философии критически оценивались существовавшие методологические концепции, как не соответствующие новым идеям и не удовлетворявшие потребностям науки.

Один из путей выхода из обозначившегося кризиса эпистемологии – внедрение в исследования по философии науки идей эволюционной эпистемологии (Э.Э.).

Из истории становления Э. Э. Наиболее значимые направления Э.Э. – эволюционная теория познания К. Лоренца, Г. Фоллмера, натурализованная эпистемология У. Куайна, генетическая эпистемология Ж. Пиаже, эволюционная теория науки К. Поппера и Ст. Тулмина, радикальный конструктивизм Э. Глазерсфельда, «биолингвистика» Н. Хомского и Ст. Пинкера. Э.Э. использует многочисленные идеи и теории естественных наук при решении проблем эпистемологии. В рамках Э.Э. можно выделить два направления. [1] Первое – рассматривает эволюцию познавательных способностей человека. Второе – рассмотрение биологической эволюции как модели развития науки. Это концепции К. Поппера, Ст. Тулмина, Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда и Дж. Холтона. Фундаментальное допущение Э.Э., которое выступает своего рода общим знаменателем имеющихся здесь школ и направлений, сводится к следующему тезису: люди, подобно другим живым существам, являются продуктом эволюционных процессов и их мыслительные способности, их знание и познание направляются механизмами биологической эволюции. Поэтому изучение эволюции равносильно пониманию феноменов знания и познания.

Причины кризиса: Смена типов рациональностей и, соответственно, типов наук. В историческом развитии науки, начиная с XVII столетия, исследователи выделяют три типа научной рациональности и, соответственно, три этапа развития науки в рамках развития техногенной цивилизации: классическая, неклассическая и постнеклассическая наука. В классической науке господствовал образ неизменной, статической науки, основанной на незыблемых критериях научности, непроверяемых ее поступательным развитием. Процесс познания объективной реальности предполагал полное разграничение субъекта и объекта. Считалось, что особенности субъекта не сказываются на результатах познания. Развитие науки – процесс накопления твердо установленных истин. Неклассическая наука формировалась в процессе преодоления кризиса методологии и разрушения незыблемых критериев научности классической науки. Начавшись в физике как поиск выхода из кризисной ситуации на рубеже XIX и XX веков, он постепенно

переносилася на нові сфери наукової діяльності. Формування цього нового ідеалу науки сталося в відмові від класического представлення про завершене і незмінне знання як олицетворенні абсолютної істини. В посткласическій науці по-іншому представляється проблема обґрунтування теоретических фундаментальних посылок науки. Їх обґрунтування ізначально не може розглядатися як повне і остаточне, визначаючись історически досягнутим рівнем знань. Від представлення про безумовну істинність наукових знань відбувається перехід до розуміння соціокультурної і особистої умовленості наукового знання. Кожен етап – особливий стан наукової діяльності, спрямованої на постійний ріст знання. Ці етапи розвитку науки виступають як різні типи наукової раціональності. Виникнення нового типу науки не слід розуміти як повне зникнення представлення попереднього етапу. Між ними існує преемственність. Некласическа наука не знищила класическу раціональність, а тільки обмежила сферу її дії. Наприклад, при розв'язанні ряду завдань небесної механіки не вимагалося привертати норми квантово-релятивістського описання, а достатньо було класических нормативів дослідження. [2]

Кризис физикализма и описательной функции науки. Значення фізикалізму в тому, що, во-перше, фізиці приписується онтологічний авторитет – ця дисципліна виступає авторитетом відносно того, що є в світі, а її закони передполагаються істинними по відношенню до всіх об'єктів; во-друге, приписують фізиці епістемологічний авторитет: фізика виступає стандартом отримання об'єктивного знання про світ. В минулому столітті ця фізикалістська картина світу опинилася під великим сумнівом. Тепер немає сумніву в тому, що матерія є не щось просте, а її наукове досягнення пов'язано з немалими труднощами. Навряд чи можна вважати положення і імпульс речовинної частинки, і детермінізм в його лапласовській формі прийнятними. Цей криза чітко показав, що фізикалістські поняття і положення не можуть перенімаються філософією без спеціального аналізу, а фізикалістські висновки не можуть розглядатися як апріорні дійсні.

Об'яснення вважають головним аспектом наукового знання. Тому об'яснення займає одне з центральних місць в філософських дослідженнях науки. В класическій фізиці об'яснення передполагає характеристику об'єкта «самого по собі», без вказання на засоби його дослідження. А в квантово-релятивістській фізиці як необхідну умову об'єктивності об'яснення висувається вимога чіткої фіксації особливостей засобів спостереження, які взаємодіють з об'єктом. Вся класическа фізика в силу певної наочності механіческих процесів легко сприймається з цієї точки зору; виключення тут складає тільки гравітація. Сучасна фізика вже не так легко піддається класическим прийомам об'яснення, так як ні релятивістська фізика, ні квантова механіка вже не здаються сведенням незнайомого до знайомого. В основі релятивістської фізики лежить уже геометрія Римана в той час, як наше сприйняття ґрунтується на геометрії Евкліда. Основні поняття сучасної фізики важко собі уявити. В разі з квантовою механікою ситуація ще проблематичніша. Квант неможливо собі уявити ні як частинку, ні як хвилю. [3]

Деление наук на науки о природе и науки о человеке. Другим процесом стала програма ревізії науки і наукового пізнання, здійснена Г. Ріккертом і В. Дільтеєм. Виділення наук про природу поставило естествознавство в жорсткі межі допустимого знання. Для класическої епістемології характерні такі особливості, як скептична установка до існування світу і можливості його пізнання; визнання незмінних норм пізнання, що лежать в його основі; суб'єктоцентризм, який розуміється як визнання абсолютної достовірності знання про стан свідомості і недостовірності решти знання; визнання цінним тільки наукового знання. Некласическа епістемологія переосмислює і во багато заперечує названі принципи, суттєво розширює само розуміння знання і форм його представлення. В класическій період наукове пізнання – це пізнання, розуміється переважно в позитивістському дусі як пізнання естествонаукове. Гуманітарне пізнання довгий час або «підганялось» до ідеалів і норм естествонаукового пізнання, або відносилось до сфери «ненаукового» пізнання. Багато встоялих представлення про природу, специфіку і структуру гуманітарного пізнання, так і пізнання в цілому, були піддані суттєвому перегляду. Актуальними стають пошуки відповідей на запитання про предмет, методологіческі стандарти і ідеали гуманітарного пізнання. Революційні відкриття в різних областях гуманітарних наук привели до необхідності розв'язання принципово нових завдань, пов'язаних з аналізом мовних і культурних предрасудків, установок суб'єкта, дослідженням механізмів їх впливу на процес пізнання.

Промышленный бум – наука превращается в технологию. Смещение шкалы ценностей классического ученого – польза теперь затмевает истину. Идея технических мутаций, оказывающих многомерное воздействие на социальный процесс, давно получила признание в философии и социологии. Наиболее последовательно ее развивают Д. Белл, Дж. Грант, Э. Тоффлер. В своих основных работах Э. Тоффлер считает, что человечество переходит к новой технологической революции, то есть на смену Первой волне (аграрной цивилизации) и Второй (индустриальной цивилизации) приходит новая, ведущая к созданию сверхиндустриальной цивилизации. Э. Тоффлер предупреждает о новых опасностях, социальных конфликтах и глобальных проблемах, с которыми человечество столкнется на рубеже двух веков. По мнению Э. Тоффлера, развитие науки и техники осуществляется рывками – волнами. Концепция «информационного общества» – это разновидность теории постиндустриализма, основу которой заложили З. Бжезинский, Д. Белл, Э. Тоффлер. Рассматривая общественное развитие как «смену стадий», сторонники этой теории связывают его становление с преобладанием «четвертого», информационного сектора экономики, следующего за сельским хозяйством, промышленностью и экономикой услуг. Революционизирующее действие информационной технологии приводит к тому, что в информационном обществе классы заменяются социально недифференцированными «информационными сообществами» (Е. Масуда).

Значимость и важность полезности, т.е. успешного взаимодействия с природой, стала в начале прошлого века более чем очевидной. Например, при взгляде на историю химии. Даже алхимия была ориентирована на вмешательство в природу, ее преобразование в желаемую форму. С. Мейнел отмечает принципиальное значение идеи полезности для успеха химии как науки: «В XVIII в. осознание в химии как науке своей роли и статуса все больше и больше подвергалось влиянию утилитаристской мысли. Почти все авторы писали работы, упоминая при этом ту пользу, которую они принесут...» [4, с. 154-160]. А задачу химии как науки определяли своеобразно: сделать дары природы более доступными для использования человеком [4, с. 158-159]. Не зря так много внимания проблеме полезности в оценке научных теорий уделял П. Фейерабенд. В частности, идея полезности полностью проявила себя в многочисленных попытках П. Фейерабенда уравнивать западную научную традицию с другими способами познания. Одно из главных возражений было таким: «Это работает!»

Почему именно биология? В отличие от физики, где объяснение и описание объекта становилось все сложнее – микромир и макромир – в биологии наступает период, когда результаты лабораторных экспериментов выносятся на «открытые площадки» национальных парков. Здесь следует отметить изучение и наблюдение за жизнью приматов. К середине XX века человек из некой квазикультурной среды, временами достаточно абстрактной, был помещен в мир дикой природы. А так как приматы – наши самые близкие «родственники», то исследователи доказали, что изучая естественную среду обитания животных и их поведение, можно многое понять из поведения человека. Отыскать основу для человеческих действий за пределами политики, дать прочный фундамент человеческой природе, – это стремление нашло поддержку в идее об объективном биологическом наблюдении. В XIX в. изучение животных и растений стало академической дисциплиной. Благодаря этим исследованиям, а также изучение индивидуальности животных, исследователи стали получать результаты от сравнения повадок животных и поведения человека. Это предполагает формирование новой эпистемологической системы, которая позволяла бы описывать природные и социальные процессы как процессы природно-социальные в эволюционном контексте, т.к. проблемы современной науки – не только биологии, но и физики, химии, технических наук – ведут к представлению о биосферном уровне жизнедеятельности человека. Поэтому возникло течение в методологии, которое специально занялось изучением проблем методологии биологии. Это привело к конструированию множества биологизированных принципов исследования в науках. После краха методологии логического позитивизма с его стремлением объективировать и логицизировать науку и очистить её методологию от метафизики, все исследователи пришли к мысли, что ученый – типичный представитель человеческого общества. Им можно манипулировать, как всеми, а институты и лаборатории принимают образ закрытых сообществ индивидов, где огромную роль начинает играть конкуренция между индивидами этого сообщества. Место метафизики после физикализма занял биологизм. Начинают появляться исследования, анализирующие социально-культурные, экономические, политические, гендерные причины принятия учеными гипотез, причины их «тематических» предпочтений. Все эти исследования стали опираться на биологизированную методологию. Отдельно здесь следует выделить работы таких методологов, как К. Поппер, Ст. Тулмин, Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд и Дж. Холтон. Постпозитивисты в своих работах предвидели возможный кризис, поэтому наметили в основных исследованиях

использование идей Э.Э. Отсюда та путаница, например, у исследователей анализирующих, когда именно К. Поппер, как основатель Э.Э., стал использовать идеи теории эволюции Ч. Дарвина для моделирования процессов, протекающих в науке. [5] Указанные исследователи касались темы социально-экономических и политических причин принятия учеными гипотез, т.к. рассматривали это в контексте окружающей среды и борьбы за выживание. Принцип биологизации методологических исследований стал одной из причин того, что стал проявляться интерес к альтернативным науке источникам знаний. К. Поппер допускал, что предпосылками выдвижения гипотез могут стать самые разнообразные ветви знания, вплоть до мифологических верований. Дж. Холтон уже развивал свою теорию «тематического анализа» априори опираясь на то, что на принятие ученым методологических ориентаций влияют самые разные области знания. П. Фейерабенд ввел принцип методологического анархизма.

Каковы последствия кризиса? Последствием кризиса стал поиск новой методологии. Сегодня исследования ведутся в двух направлениях – это синергетика и биологизация методологии. Как результат последнего – появление таких дисциплин, как Э.Э., социобиология и др. Э.Э. как попытка ответа на вызов, сделанный Г. Риккертом и В. Дильтеем, появилась одновременно с появлением самого этого вызова. Представления эволюционной познавательной модели зародились еще в античности и прошли через века. Однако парадигмой естествознания она становится в XIX веке, после эпохальных работ выдающихся ученых-эволюционистов Ж. Б. Ламарка, Ч. Дарвина и др., приобретая в XX веке устойчивую тенденцию к превращению в феномен культуры. Из фундаментальной идеи биологии она трансформируется в эволюционистский способ мысли. Наряду с эволюционной ведущими во второй половине XX века становятся еще две познавательные модели - системная и самоорганизационная. Системная познавательная модель предстает как путь реализации целостного подхода к миру в современной культуре в условиях учета сложнейшей многообразной дифференциации знания, достигнутого в современной науке. В начале прошлого века возникла проблема изучения объектов, представляющих собой целый комплекс взаимосвязанных объектов. Зачастую эти комплексы состояли из материальных и не материальных объектов. Раз возникла проблема изучения, то для начала необходимо разработать методологию, т.е. взаимосвязанные средства анализа, а потом уже непосредственно изучать комплексы этих объектов. Это поставило перед наукой очень серьезные задачи. Стали появляться исследовательские объекты с высокой степенью сложности, самоорганизации и саморазвития. Частью проблемы новой методологии стал поиск метода, способного адекватно и прагматично давать ответы. Одним из таких методов стал системный анализ. Теория систем в СССР появилась в контексте проблем управления и методологии биологии. Но тогда развитие теории систем стало приобретать несколько диссидентский вид. Это было связано с необходимостью выяснять – не противоречит ли системный анализ диалектическому материализму. Увлекаясь своеобразным «методологическим протестом», исследователи отошли от корней возникновения системного анализа на Западе. Сегодня представляется необходимым вернуться к проблемам взаимоотношения системного анализа и современных биологизированных методологий. Это может стать одним из возможных магистральных путей построения новой методологии, которая отвечала бы всем требованиям науки текущего момента.

Каждое направление Э.Э. может и должно быть рассмотрено в рамках философского анализа. Параметрическая ОТС, разработанная одесской школой системологии во главе с А. Уёмовым, может быть использована в качестве методологической основы предстоящего анализа [6]. Такие средства, разработанные в рамках Параметрической ОТС, как проблема простоты-сложности, ЯТО, выводы по аналогии, системное представление объекта, целостность, использование реляционных параметров несут в себе эвристический потенциал. Систематизированные подходы, позволяющие достичь новых научно-теоретических результатов в рамках Э.Э., с одной стороны, можно представить как дальнейшее развитие Э.Э., а с другой – как результат продолжающегося влияния этой теории на исследование природы познания. Эволюционная теория познания не исчерпала свой инновационный потенциал в философском поиске. Она сохраняет свою актуальность как исследовательская программа в современном научном сообществе. Это дает основания рассчитывать на углубление представлений о генетических структурах познания, о природе связей рассудочного и морального и получение новых знаний об эволюционных механизмах перехода «живого познания» к «разумному, абстрактному».

© Емяшева В. Н.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Хахлвег Кай. Эволюционная эпистемология и философия науки. Глава I. Исторический и теоретический контекст // Современная философия науки. Знание, рациональность, ценность в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия / Хахлвег Кай, Хукер К.; [под ред. А. А. Печёнкина]. — М. : Логос, 1996. — С. 155-177.
2. Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Степин. — М. : Прогресс — Традиция, 2000. — 743 с.
3. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая / В. А. Лекторский ; РАН, Ин-т философии. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. — 255 с.
4. Meinel C. Chemistry's Rise of Status // Science in Europe 1500-1800. — The Open University. — 1991. — V. 2. — P. 154-160.
5. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / [сост. Д. Г. Лахути, В. Н. Садовского, В. К. Финна; пер. с англ. яз. Д. Г. Лахути; вступ. ст. и общ. ред. В. Н. Садовского; послесл. В. К. Финна]. — М. : Эдиториал УРСС, 2000. — 462 с.
6. Уёмов А. И. Общая теория систем для гуманитариев / Уёмов А., Сараева И., Цофнас А. / [под. общ. ред. А. И. Уёмова]. — Варшава : Universitas Rediviva, 2001. — 276 с.

Емяшева В. Н. – аспірантка кафедри філософії і соціології Государственного учреждения «Южноукраинского национального педагогического университета имени К. Д. Ушинского»

УДК:306.85+501+301

МАРГИНАЛЬНАЯ СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Современное украинское общество, находится в состоянии аномии, которая представляет собой результат конфликта или рассогласования между «культурной» и «социальной» структурами. В условиях аномии самоидентификация индивида значительно затруднена «глобальной» маргинализацией нашего общества.

Ключевые слова: семья, аномия, маргинальность, маргинальный статус, маргинальная семья, социальные проблемы.

Сучасне українське суспільство, знаходиться в стані аномії, яка представляє собою результат конфлікту чи неузгодженості між «культурної» і «соціальної» структурами. В умовах аномії самоідентифікація індивіда значно ускладнена «глобальною» маргіналізацією нашого суспільства.

Ключові слова: сім'я, аномія, маргіальність, маргіальний статус, маргіальна сім'я, соціальні проблеми.

The contemporary Ukrainian society is in the state of anomaly, which is the result of a conflict or discrepancy between the "cultural" and "social" structures. Under the conditions of anomaly the self-identity of the individual is heavily complicated by the "global" marginalization of our society.

Keywords: family, anomaly, marginality, marginal status, marginal family and social problems.

Деструктивный энтропийный процесс последних лет привел в движение большие и малые социальные группы. Очень сложно исследовать вновь возникающие промежуточные социальные общности, в условиях социокультурной трансформации, поскольку состав их пестр, связи с обществом нарушены. Зыбкость, подвижность социального статуса различных общественных слоев, исчезновение традиционных механизмов регуляции поведения таких групп, отсутствие форм и методов социальной организации, характерных для них, препятствуют осознанию своей общности и скрепляющих ее интересов. Люди оказались как бы вытолкнуты из круга ранее существовавших стереотипов, привычных норм, представлений и встраиваются в новые, неустоявшиеся. Все это вместе взятое означает маргинализацию, хотя и временную, огромной массы населения. С определенной долей условности можно назвать их маргиналами, то есть такой группой, которая находится в состоянии разрыва социально-идентификационных связей.

Целью статьи является исследование социальных проблем маргинальных семей в начале третьего тысячелетия.

Задачи статьи:

1. Проанализировать специфику употребления термина «маргинальный»;
2. Изучить влияние маргинальной семьи в современном обществе.
3. Установить и осмыслить сущность маргинальности современной украинской семьи.

Актуальность темы данной статьи определяется социально-исторической ситуацией, которая сложилась в Украине за последние десять лет. Феномен маргинальности наиболее ярко проявляет себя в обществах, находящихся в процессе структурной или системной трансформации. Маргинальность всегда лежит в основании дезорганизационных и реорганизационных моментов в жизни общества на всем протяжении его исторического развития. Но не одним этим обстоятельством задана тема статьи. Глобализация и связанная с ней повышенная коммуникабельность провоцирует усиление этнических, культурных и религиозных взаимопроникновений различных по своему уровню и содержанию общественных систем. Все это порождает целый комплекс проблем, настойчиво требующих своего осмысления и решения в рамках гуманитарного и, прежде всего, философского знания.

Теоретическая и практическая значимость статьи заключается в том, что знание сущностной природы маргинальности в ее содержании и функциях делает реальным понимание общественно-исторических процессов не только прошлого, но и настоящего времени, с новых позиций. Понимание феномена маргинальности в ее целостной основе может служить одним из элементов прогнозирования и анализа возможного развития в будущем как отдельных социальных структур в частности, так и целых систем в общем.

На мой взгляд, сегодняшнюю социальную ситуацию вполне можно назвать не только аномичной, но и маргинальной, поскольку в ее основе – пограничное, промежуточное положение, в котором оказалось общество и все его элементы в результате разрушения одной из попыток формирования другой системы, пока достаточно неопределенной.

Обширное маргинальное поле в условиях такого пограничья захватывает всю социальную жизнь, влияет на переживаемые нами социальные сдвиги, называемые «переходным периодом». Как верно заметила И. М. Попова «Маргинальность как характеристика нашей действительности, вероятно, получит значения и смысл, которые не фиксировались в прежних интерпретациях. Иное время, иные условия» [3, с. 158].

Технологические, социальные и культурные сдвиги последних десятилетий придали проблеме маргинальности качественно новые очертания. Урбанизация, массовые миграции, интенсивное взаимодействия между носителями разнородных этнокультурных и религиозных традиций, размывание вековых культурных барьеров, влияние на население средств массовой коммуникации – все это привело к тому, что маргинальный статус (позиция промежуточности, неопределенности в которую индивид или группа попадают под воздействием маргинальной ситуации) стал в современном мире не столько исключением, сколько нормой существования миллионов и миллионов людей.

Понятие маргинальности в настоящее время имеет определенный и достаточно самостоятельный статус в научной литературе. Этот термин довольно широко используется среди социологов, культурологов, психологов, а также в средствах массовой информации. Маргинальность (от лат. *margo* – граница, грань, край; *marginalis* – находящийся на краю, на границе) понимается как пограничное, периферийное положение [2, с. 155].

В социальной философии маргинальность рассматривается как общеполитическая категория с выделением сущностных характеристик данного феномена, что отражено в работах С. Гурина, В. Каганского, В. Кузнецова, И. Митиной, А. Федосеенко, А. М. Черныша, М. А. Черныш, В. Шапинского и др.

Изучение различных концепций и подходов к определению маргинальности показало, что это сложное и многоаспектное явление, которое можно рассматривать с позиций различных дисциплин и подходов. К основным особенностям данного явления, на мое мнение, можно отнести следующие:

- в социологическом смысле маргинальность – это своего рода «недосоциализация», то есть неполное принятие социальных ролей, неполное вхождение в состав социальных групп и институтов;
- маргинальность вовсе не обязательно означает бедность, безнравственность и нахождение на дне общества;
- маргинальность предполагает две стратегии поведения: пассивную (человек, попав в маргинальную ситуацию, не предпринимает никаких действий, он поглощается и подавляется ситуацией) и активную (человек чувствует свободу, иначе воспринимает реальность), которая в свою очередь делится на отрицательную (стремление к девиации, протесту) и положительную (стремление

к созиданию, согласию и интеграции) [1, с. 4].

Концептуальные разработки понятия «маргинальность» привели к появлению комплекса связанных с ним понятий:

«Маргинальная зона – те срезы социальной действительности, где происходят наиболее интенсивные и значимые изменения структуры отношений, позиций образа жизни» [10, с. 108].

«Маргинальная ситуация – комплекс и структура факторов, порождающих и закрепляющих состояние маргинальности индивида или группы» [6, с. 97].

«Маргинальный статус – позиция промежуточности, неопределенности в которую индивид или группа попадают под воздействием маргинальной ситуации» [12, с. 54].

«Маргинал – человек, находящийся на границе различных социальных групп, общностей, культур, вступающих с ними в противоречия, будучи не принятым ни одной из них как полноправный член» [9, с. 3].

«Маргинальная личность – комплекс психологических черт, характеризуют человека в ситуации неопределенности, связанной с переходом из одной группы в другую и обтяженной противоречиями социально – ролевого конфликта» [11, с. 69].

«Маргинальная группа – группа в обществе, объединяемая общими критериями, характеризующими ее крайнее или переходное положение (этнические, территориальные, профессиональные, расовые и др.)» [1, с. 128].

Все эти понятия употребляются как индикаторы проявления маргинальности и во многом способствуют пониманию ее сущности в тех формах, в которых данные явления в ней приобретают.

Маргинальность не возникает вне резкого реального или вымышленного столкновения с окружающим миром.

Уход в маргинальность предполагает два совершенно различных маршрута:

- либо разрыв всех традиционных связей и создание своего собственного, совершенно иного мира;

- либо постепенное вытеснение (или насильственный выброс) за пределы законности.

В любом варианте, будь то результат «свободного» выбора или же следствие процесса деклассирования (выход за пределы своего класса (слоя), выход за рамки классовой стратификации в целом), который провоцируется напуганным обществом, маргинал обозначает не изнанку мира, а как бы его омуты, теневые стороны.

Носителя того или иного социотипа маргинальности, как правило, отличают следующие характерные черты:

– негативное и (или) равнодушное восприятие событий своей жизни и фактов социальной действительности;

– социальная пассивность, нежелание принимать какое-либо участие в общественной деятельности;

– неуверенность в «завтрашнем» дне и своих перспективах;

– отсутствие веры во что-либо и доверия к кому-либо;

– ощущение непонимания со стороны общества.

Маргинальность как «угроза», «отклонение», «нетипичность» перекликается с понятием «девиантности». Отвечая на вопрос, что главным образом детерминирует в настоящее время девиантное поведение (девиантное поведение (от англ. *deviation* — отклонение) — совершение поступков, которые противоречат нормам социального поведения в том или ином сообществе), преступность как его тяжелейшую разновидность и социальную аномию в целом, можно с уверенностью сказать, что это те изменения в социальных отношениях общества, которые получили отражение в понятии «маргинализация», то есть неустойчивость, «промежуточность», «переходность».

Главным признаком маргинализации является разрыв социальных связей, причем в классическом случае последовательно рвутся экономические, социальные и духовные связи.

Экономические связи рвутся в первую очередь и в первую же очередь восстанавливаются. Медленнее всего восстанавливаются духовные связи, ибо они зависят от известной «переоценки ценностей».

Часто отмечают, что на формирование маргинальности личности большое влияние имеет неблагополучие в семье, в которой выросли, и разочарование в своей собственной семье. Влияет также и количество детей в семье: влияние имеет тот факт, что человек был единственным ребенком в семье или же, напротив, у него больше двух братьев и сестер. То, что люди росли без одного из

родителей, а возможно, и без обоих родителей, тоже накладывает отпечаток на формирование у него маргинального сознания и поведения. Опять же, как мне кажется, справедливо говорить о недостаточной социализации индивида (в данном случае семейной) как о факторе формирования маргинальности: он недополучает необходимого общения в семье (если это один ребенок или неполная семья), или же должного внимания (если семья многодетная), это в свою очередь и приводит к формированию у него маргинальных наклонностей.

Вполне законно ставить под сомнение право на существования термина «маргинальная семья», однако в научной литературе и официальных документах понятие существует и приходится оперировать им для более точного определения уровня состояния ячейки общества под названием семья.

Понятие маргинальной семьи возникло в последние годы и находится в противоречии со всеми существующими определениями понятия «семья», так как они несут в себе кровное родство, брак, общность быта и ответственность за воспитание детей. Подразумевается поддержка членов семьи друг другом, на основе любви, заботы, привязанности, то есть через социальные, экономические и психологические способы общения. В украинской, не только демографической, но и правовой практике семьей принято считать группу лиц, объединенных признаками: совместное проживание, отношение родства или свойства и наличие общего бюджета [4, с. 278]. В начале 90-х годов в украинских семьях стала массово проявляться трансформация семьи и формироваться новый тип семейных отношений, на смену «патриархальному» типу отношений между членами семьи приходит «эгалитарный». В основу таких семей закладывается желание каждого члена исполнять те роли или обязанности, которые наиболее соответствуют его возможностям [5, с. 36].

Каждая семья поставлена перед множеством проблем и главной является материальная. Рождение каждого ребенка резко сокращает доход семьи при многократном увеличении расходов. Появление второго ребенка, даже при условии, что оба родителя продолжают работать, отбрасывает семью за черту бедности. Таким образом, дети выступают фактором бедности семей [6, с. 94].

Дети рассматриваются как тяжелая ноша и бремя, поскольку воспитание, обучение и медицинское обслуживание обходится родителям все дороже и требует больших затрат энергии, физических и духовных сил. Немаловажно, что общение с детьми требует от родителей грамотности, терпимости и гибкости. Поколение, вступившее в детородный период, не в полной мере получило навыки воспитания детей, а при общем снижении уровня образования наблюдается общее снижение научной, культурной подготовленности родителей. Супружеские пары, осознавая ответственность перед будущими детьми и обществом в целом, сознательно ограничивают число детей в своей семье до одного-двух. Другого вида семьи – так называемые «маргинальные» не контролируют рождение своих детей, а зачастую сознательно рожают с целью получения пособий и льгот, которые используют на нужды далекие от нужд детей, тем самым обрекая детей на нищенство, попрошайничество и другие противоправные действия. Есть впечатление, что это делается практически вслепую. Ни власти, ни эксперты не обладают достаточными для принятия решения знаниями, нет достаточного количества исследований на эту тему. Мы идем уверенно, но в основном в потемках.

Причинами развития негативных социальных процессов семьи и детей являются следствием социальных и политических преобразований, начавшиеся одновременно с процессом перестройки и затронули все сферы жизни государства, общества, каждой семьи. Произошли перемены в укладе жизни населения, его иерархической структуре и системе ценностей, резко ухудшилась социальная ситуация в стране. К изменениям социальной ситуации до настоящего времени не могут адаптироваться ни общество, ни семья в отдельности. Обеднение части семей, угроза потери социального статуса привели к массовой невротизации населения, развитию дезадаптации и, как следствие, росту заболеваемости, смертности и росту маргинальной среды. Массовое образование маргинальных (*marginalia* (лат.) – находящихся на обочине) семей, неспособных самостоятельно решать свои проблемы, постоянно нуждающихся в помощи государства, в ближайшем будущем без принятия кардинальных мер, может привести к социальной катастрофе. С моей точки зрения, маргинальная семья является такой "экспериментальной площадкой", на которой идет непрекращающийся эксперимент, во-первых, с социальной ориентацией семьи, во-вторых, – с личностью каждого ее члена и, в-третьих, – с браком как наиболее институционализированным, социальным, формальным и ролевым аспектом семейной жизни.

Кроме того, наличие неполных семей, семей социального риска, проблемных семей, только усугубляет общее положение.

В современных условиях социальной аномии, маргинализации огромных слоев общества

происходит потеря идентичности целого социума, а в роли «психиатров» должны выступить сами «несамеоидентифицированные» личности. Конечно же, это не больше чем метафора, однако в современной научной социально-философской литературе можно встретить рассуждения о «потере социальной памяти на уровне поколения»

Учитывая развивающуюся и дальше отрицательную динамику по многим социальным показателям, назрела необходимость осмысления в современном украинском государстве процессов и их причин, проведение комплексного анализа социально-экономической ситуации в стране и разработки стратегической государственной политики, которая должна способствовать выходу страны из социально-экономического кризиса, сохранения генофонда страны и прекращению процесса «дебилизации» населения.

Происходящее резкое социальное расслоение, рост бедности, прежде всего семей с детьми, развитие социальной депрессии, социального иждивенчества и социальной апатии значительной части населения страны, рост агрессии и насилия в семье и обществе, рост маргинальной и криминальной среды, алкоголизация населения, рост наркомании, высокий уровень заболеваемости и смертности, кризис семьи, стали сегодня сложнейшими государственными проблемами.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

Проблема маргинальности относится к разряду тех феноменов, суть и смысл которых теряется в частных деталях трактовки и определенного угла зрения на них. Это ведет к обесцениванию проблемы маргинальности в глазах ученых, как явления целостного по форме и содержанию. В этом видится само маргинальное положение феномена маргинальности, которое она занимает, находясь на границе различных гуманитарных дисциплин. Знание проблематики маргинальности до сих пор остается достаточно фрагментарным, и мы находим здесь пример того случая, когда какие-либо частные вопросы одной темы подменяют собой комплексный взгляд на целостность данного явления как такового. Маргинальность не является побочным, вторичным продуктом жизнедеятельности человека и общества, как это принято считать в общественных науках.

Она также не только производность трансформационных явлений, происходящих в мире сознания и в сфере общественных отношений. Маргинальность есть феномен вечный и тотальный, присущий человеческому миру во все времена его существования, а не исключительно в периоды социальных кризисов и катастроф. Осмысление феномена маргинального в его тотальности дает нам ключ к пониманию не только каких-то отдельных вопросов, свойственных данному явлению, но и делает возможным осознание роли ее присутствия в общественно-исторической действительности, через те возможности и потенции, которые несет в себе маргинальность. Формируясь в мире сознания, она находит свое выражение как в человеке, обществе, так и в семье.

По этой причине число маргинальных семей ежегодно только растет и в перспективе может достигнуть критической массы. Генезис семей такого типа может быть связан с самыми различными причинами - болезнями, многодетностью, алкоголизмом, тюремным заключением и т.д., но общим для них является резкое снижение возможности осуществлять нормальное функционирование, эффективно воспитывать детей. Часть маргинальных семей имеет люмпенизированный характер. Их отличают крайне низкие доходы, высокий уровень потребления алкоголя или наркотиков, плохие жилищные условия или отсутствие пригодного и жизни жилья. Их так же называют социально неблагополучные семьи, дети из таких семей часто составляют основной контингент запущенных подростков, каждый член такой семьи имеет отклоняющиеся повеление.

Для большинства маргинальных семей единственным путем выживания становится получение помощи и льгот, за счет которых они и существуют, не прилагая усилий к изменению своей жизни. Наблюдаются случаи, когда маргинальные семьи идут на рождения ребенка с целью получения пособия на рождение, а затем эти дети попадают в сиротские учреждения и социальные интернаты.

Основной причиной современного социального кризиса семьи и появление в массовом количестве маргинальных семей заключается в отсутствии социальной политики, неразрывно связанной с экономикой, учитывающей интересы всех социальных слоев и групп населения, политики обеспечивающей восстановление системы нравственных принципов общества и семьи в частности. Многие семьи сегодня не видят перспективы в жизни, реальной возможности изменить свой социальный статус, так как считают, что в стране нет условий для социальной и экономической активности, не верят в свои возможности. Особенно это актуально для малых городов и сельских поселений, где практически невозможно найти себе применение.

Недостаточное внимание к такому типу семей приводит к снижению общего морального уровня нашего общества, вступает в противоречие с провозглашенными социальными целями, высокими

идеалами гуманизма.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Попова И. М. Маргинальность Социологический анализ / Ирина Марковна Попова — М. : Мысль , 1996. — 243 с.
2. Мигашкина Н. Б. Маргинальность: сущность и типы / Н. Б. Мигашкина // Научное творчество молодежи — Материалы XIII Всерос. науч.-практ. конф. (14–15 мая 2009 г.). — Томск : Изд-во Том. ун-та , 2009. — 298 с.
3. Попова И.В. Маргинальность: феномен, понимание / И.В Попова // Социсследования. — 1994. — № 4. — С. 158-159.
4. Волкова Ю. Г. Социология / Ю. Г. Волкова — М. : Гардарики , 2000 — 474 с.
5. Социальные отклонения / Под ред. В. Н. Кудрявцева — М. : Юрид. лит. , 1984 — 238 с.
6. Тощенко Ж. Т. Социология. Общий курс / Ж. Т. Тощенко. — М. : Прометей , 1994 — 384 с.
7. Ачильдиева Е. Ф. Семья и насилие над детьми: знаете ли вы, о чем идет речь? / Ачильдиева Е.Ф. // Материнство. — 1997. — Январь — 11 с.
8. Донченко Е. А. Дистрессовый опыт в разрушающемся этосе / Донченко Е. А. // Философская и социологическая мысль. — 1993. — № 7, 8. — С. 93-110.
9. Шапинский В. А. Культурная маргинальность как социально-философская проблема: Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1990.
10. Навджавонов И. О. Проблема маргинальной личности: постановка задачи и определение подходов / Навджавонов И. О. // Социальная философия в конце XX века. — М. : Мысль , 1991. — С. 157-158.
11. "Маргинальность как инструмент самосознания человека" Герменевтика субъекта / Под ред. И. А. Овсянниковой. — Омск , ОмГПУ , 2002. — С. 65-75.
12. "Маргинальность как предмет социально-философского анализа" // Вестник Омского ун-та. — 2002. — № 2. — С. 53-56.

Некрасов А.И., кандидат философских наук, международный гуманитарный университет, г. Одесса.

УДК: 123.2+172.4:159.99

ИМПЕРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

У статті розглядається поняття імперії та її види. Показано, що способом утворення та існування імперії є війна. В дійсний час ще не зникла реальна можливість перетворення демократичної держави в імперію.

В статье рассматривается понятие империи и её виды. Показано, что способом образования и существования империи является война. В настоящее время ещё не исчезла реальная возможность превращения демократического государства в империю.

Ключевые слова: империя, насилие, война, национальное государство, глобальная империя.

This article explores the concept of empire and its types. It is shown that the way of the formation and existence of the empire is the war. At the present time the real opportunity to turn the democratic state into an empire has not gone .

Key words: empire, violence, war, nation state, global empire.

Слово «империя ассоциируется с чем-то далёким от современной жизни, архаикой прошлого, с известными главами огромных политико-административных образований. Последние два столетия прошли под знаком установления демократических режимов, а где таковые не существуют, то это авторитарные, диктаторские режимы, но никак не империи. Кажется, будто время империй безвозвратно ушло в прошлое. Так, возможно, подумает забывший прошлое человек. Однако иначе думают политологи, изучающие главным образом структуры и функционирование политических институтов. Для них империи обоснованно существуют и в настоящее время. Эта позиция стимулируется политическими процессами, происходящими в России и США. В этих странах в настоящее время наблюдается некий